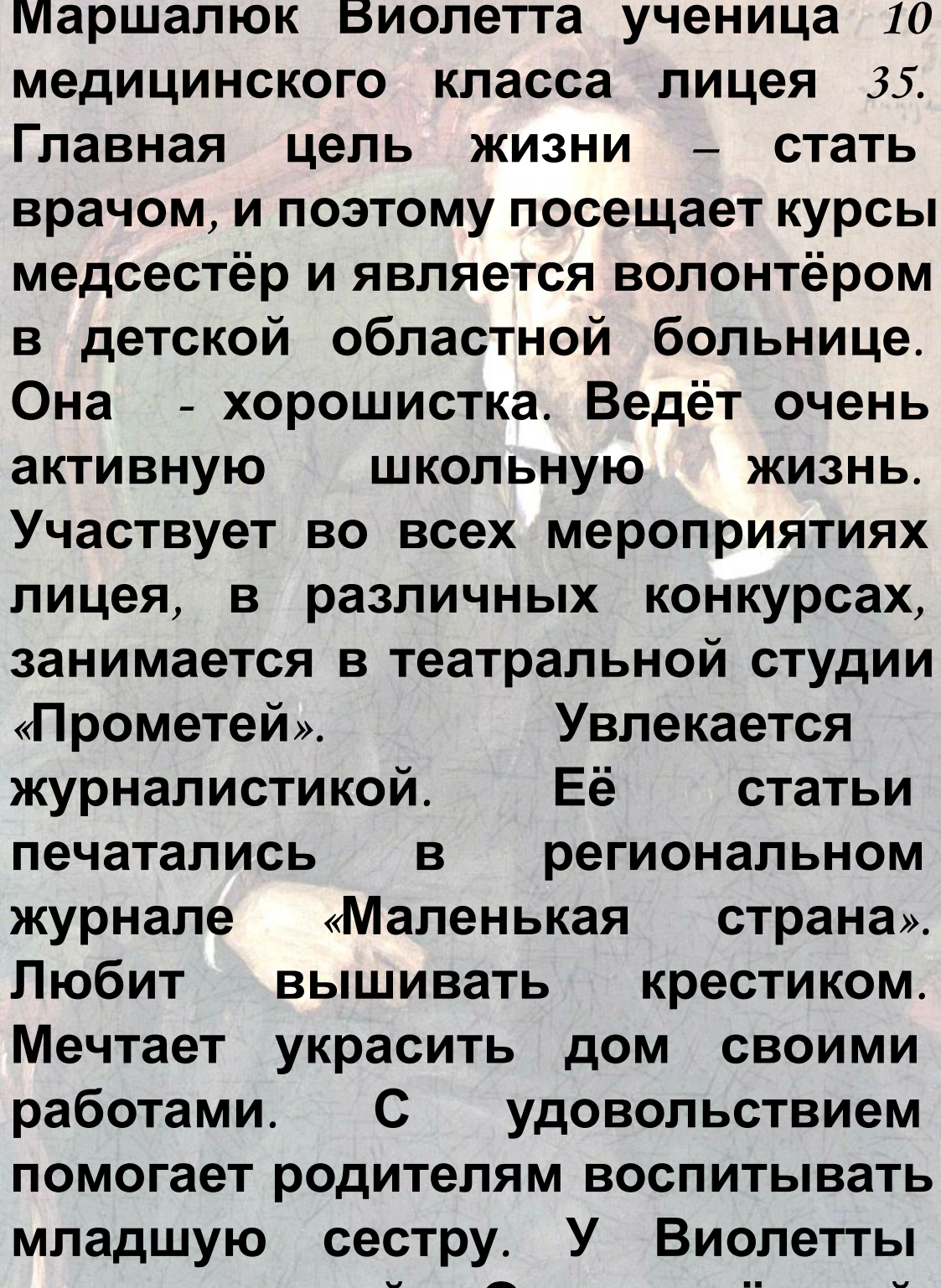
A framed portrait of a man with glasses, resting his chin on his hand, with text overlaid. The man is wearing a dark suit and a white shirt. The portrait is set within a decorative, ornate frame. The text is centered over the portrait.

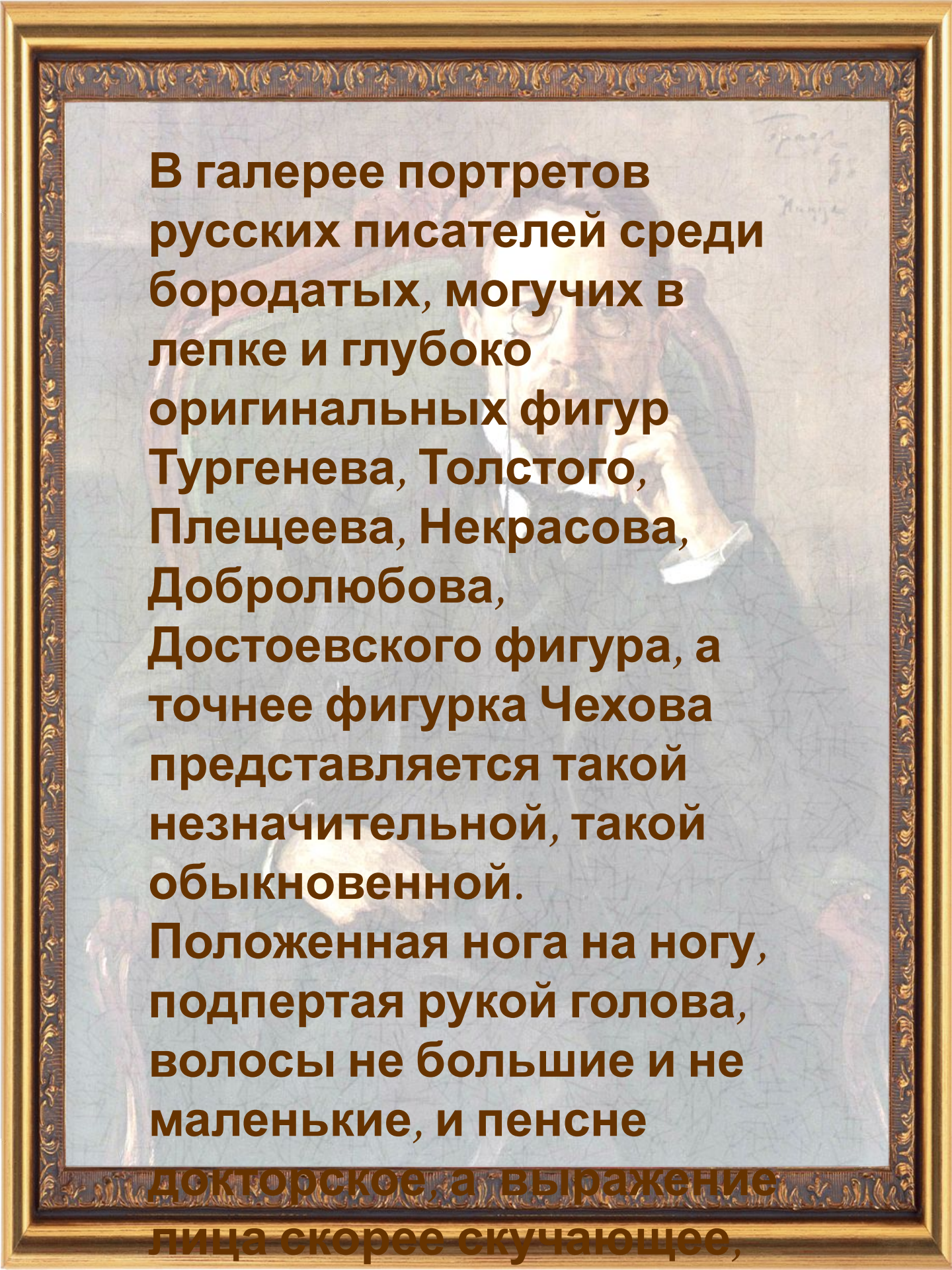
**Перед
портретом
Чехова...**

**Маршалюк
Виолетта**

A portrait of a young woman with dark hair, wearing a white graduation cap and gown. She is looking slightly to the right of the camera with a neutral expression. The background is a soft, out-of-focus grey. The portrait is framed by a decorative, ornate border with a repeating floral or scrollwork pattern in a dark brown or gold color.

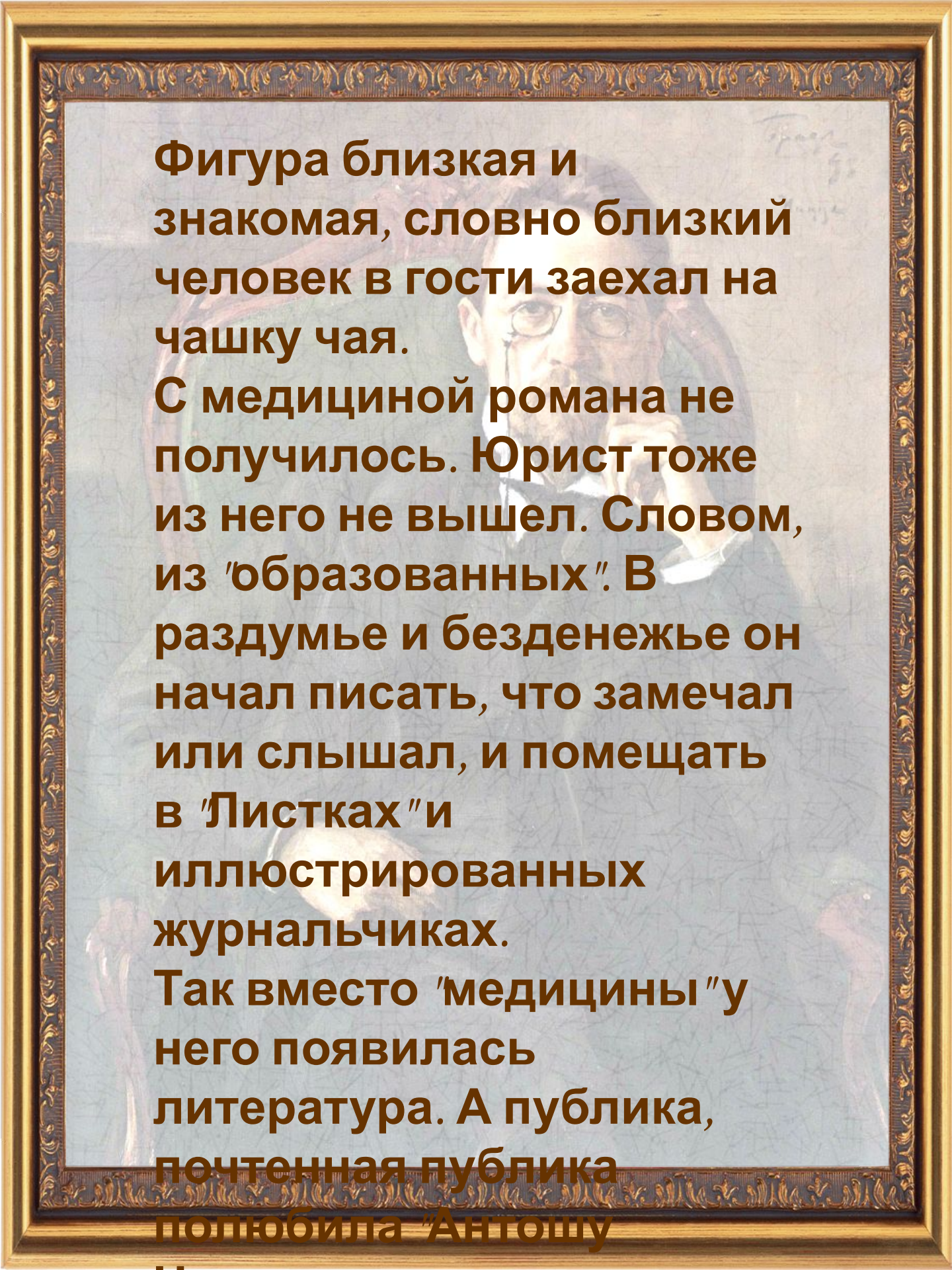
Маршалюк Виолетта ученица 10
медицинского класса лицея 35.
Главная цель жизни – стать
врачом, и поэтому посещает курсы
медсестёр и является волонтером
в детской областной больнице.
Она - хорошистка. Ведёт очень
активную школьную жизнь.
Участвует во всех мероприятиях
лицея, в различных конкурсах,
занимается в театральной студии
«Прометей». Увлекается
журналистикой. Её статьи
печатались в региональном
журнале «Маленькая страна».
Любит вышивать крестиком.
Мечтает украсить дом своими
работами. С удовольствием
помогает родителям воспитывать
младшую сестру. У Виолетты
много друзей. Она надёжный
верный друг, готовый в любой
момент прийти на помощь. Её

В галерее портретов русских писателей среди бородатых, могучих в лепке и глубоко оригинальных фигур Тургенева, Толстого, Плещеева, Некрасова, Добролюбова, Достоевского фигура, а точнее фигурка Чехова представляется такой незначительной, такой обыкновенной.

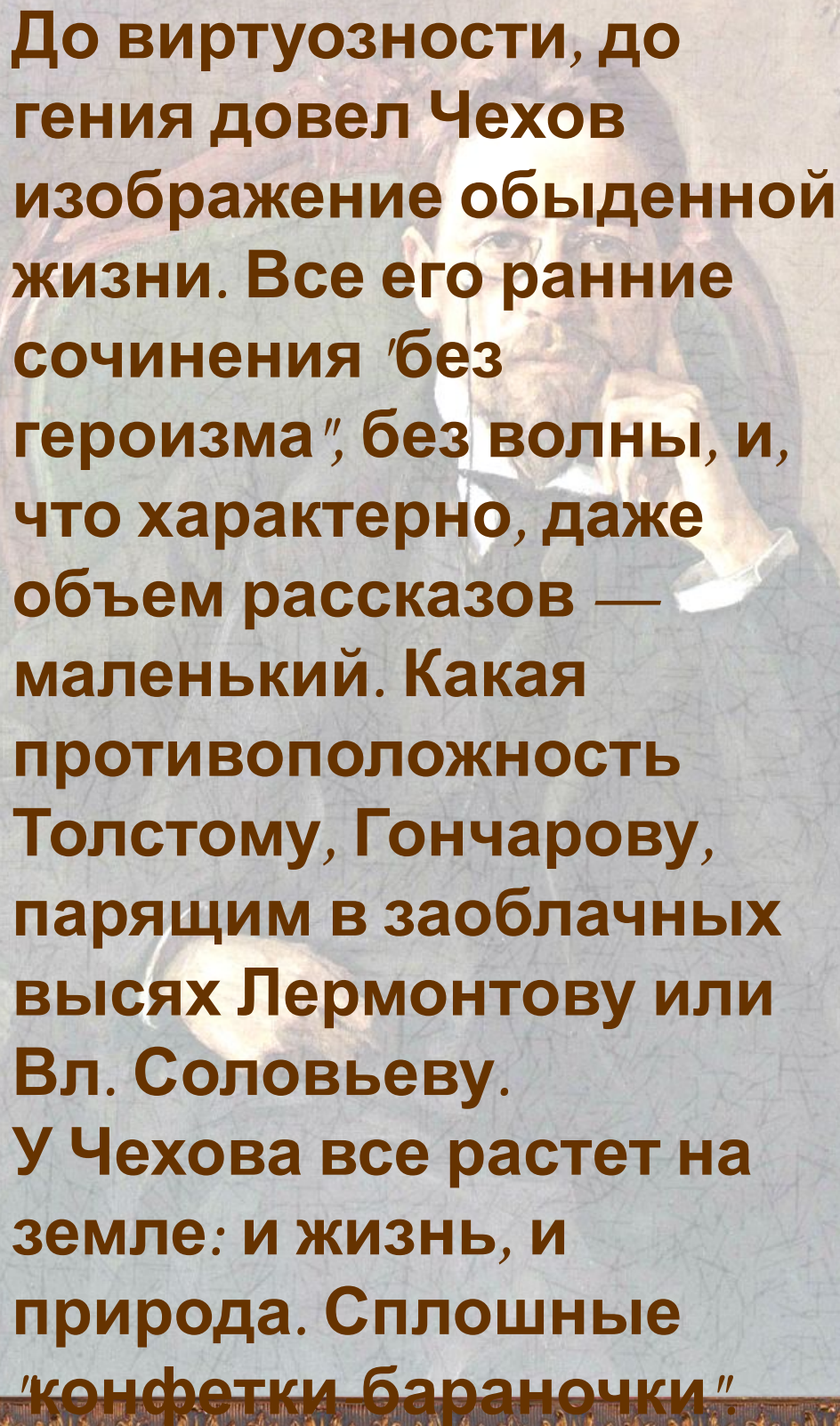
Положенная нога на ногу, подпертая рукой голова, волосы не большие и не маленькие, и пенсне докторское, а выражение лица скорее скучающее,

Фигура близкая и знакомая, словно близкий человек в гости заехал на чашку чая.

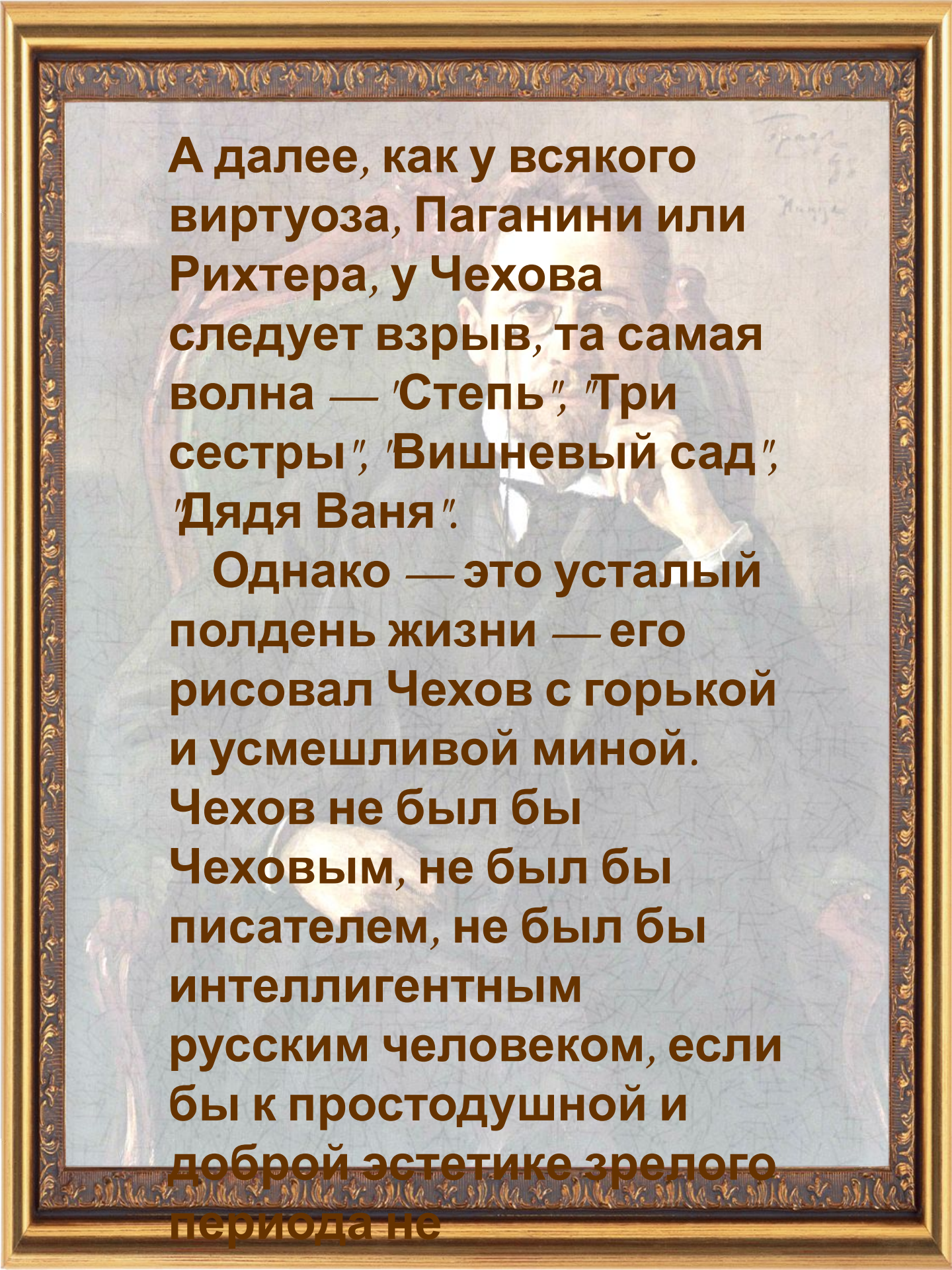
С медициной романа не получилось. Юрист тоже из него не вышел. Словом, из "образованных". В раздумье и безденежье он начал писать, что замечал или слышал, и помещать в "Листках" и иллюстрированных журнальчиках.

Так вместо "медицины" у него появилась литература. А публика, почтенная публика полюбила "Антошу

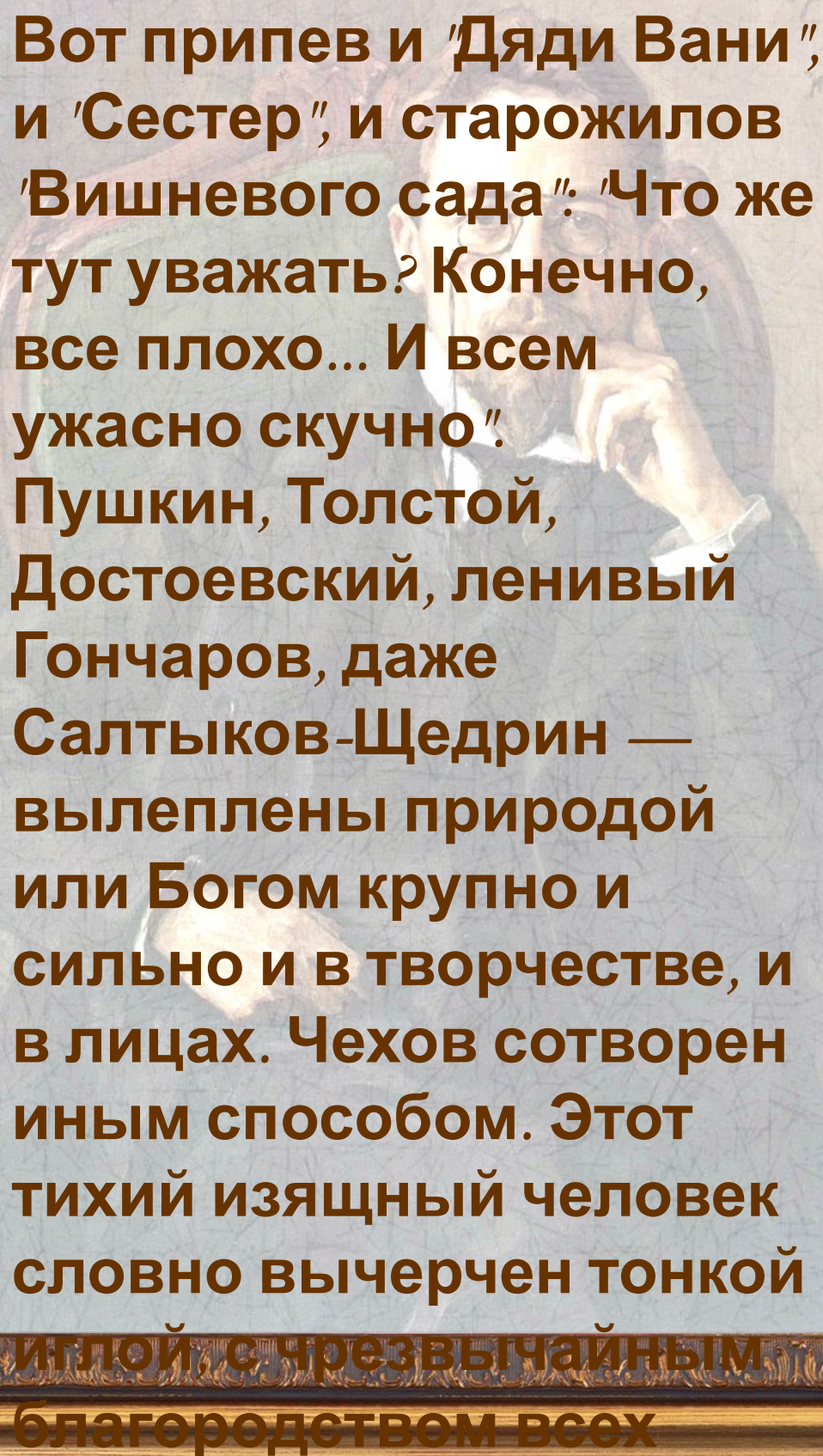
До виртуозности, до гения довел Чехов изображение обыденной жизни. Все его ранние сочинения 'без героизма', без волны, и, что характерно, даже объем рассказов — маленький. Какая противоположность Толстому, Гончарову, парящим в заоблачных высях Лермонтову или Вл. Соловьеву. У Чехова все растет на земле: и жизнь, и природа. Сплошные 'конфетки-бараночки'.

Чехов довел

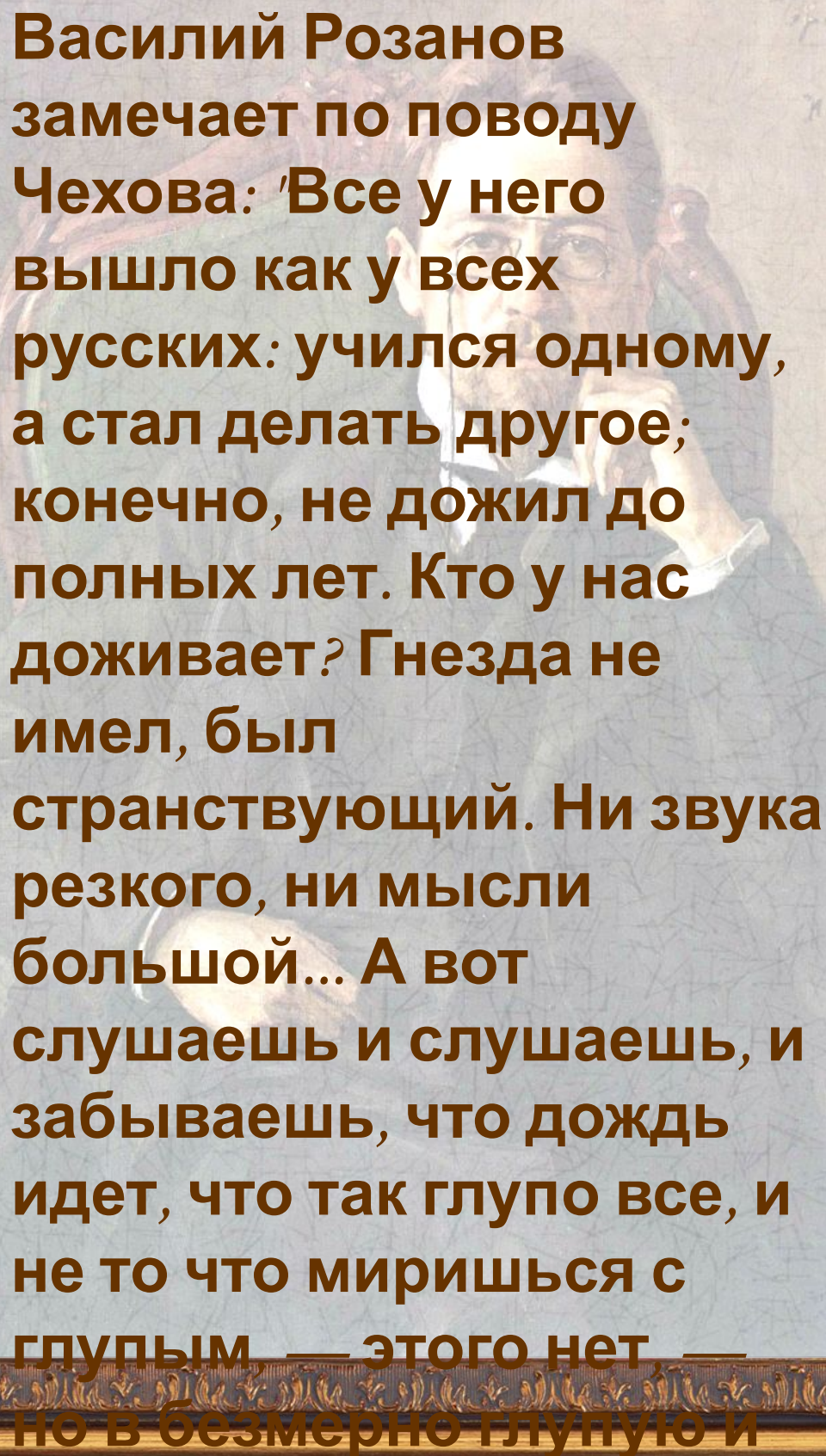

А далее, как у всякого виртуоза, Паганини или Рихтера, у Чехова следует взрыв, та самая волна — 'Степь', 'Три сестры', 'Вишневый сад', 'Дядя Ваня'.

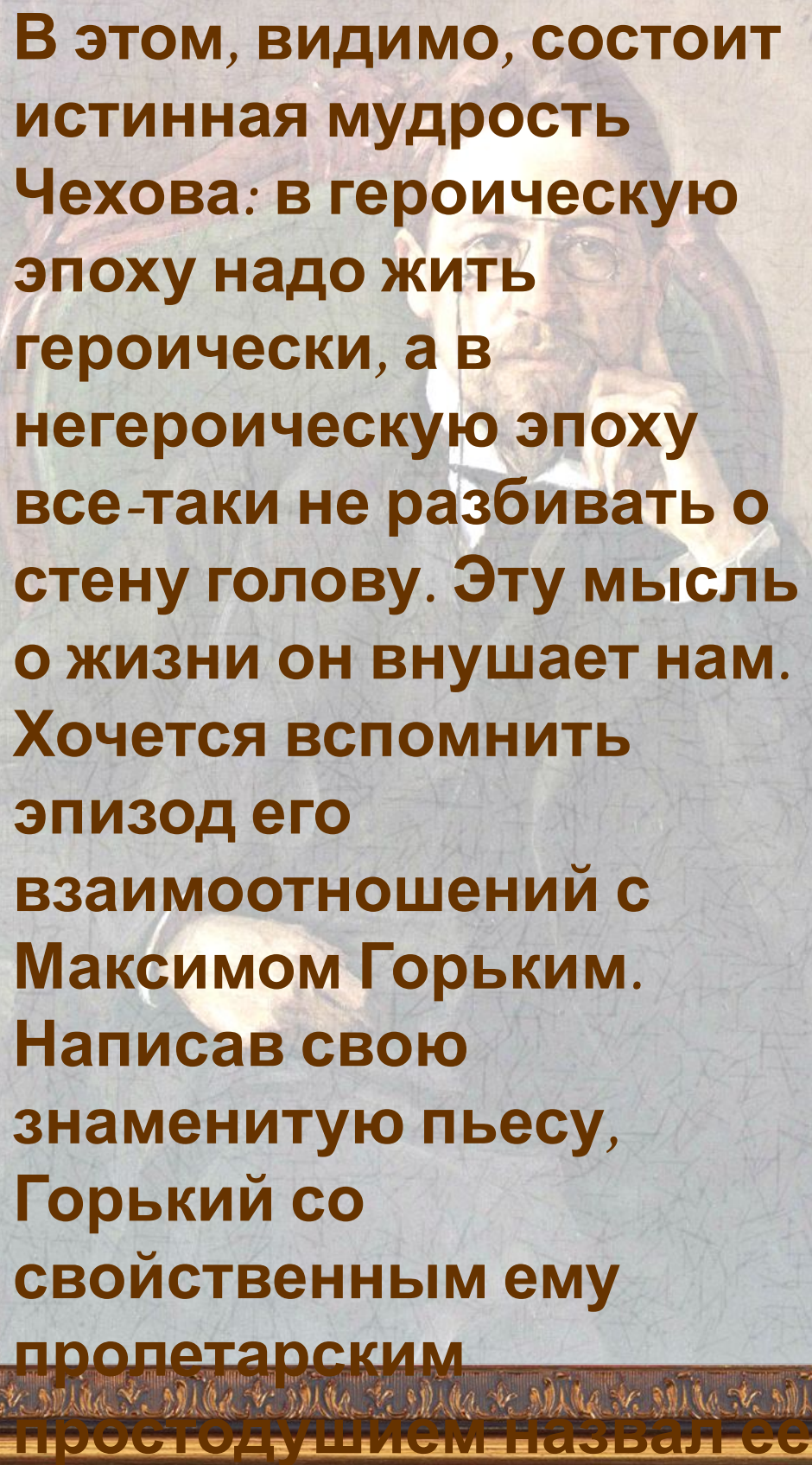
Однако — это усталый полдень жизни — его рисовал Чехов с горькой и усмешливой миной. Чехов не был бы Чеховым, не был бы писателем, не был бы интеллигентным русским человеком, если бы к простодушной и доброй эстетике зрелого периода не

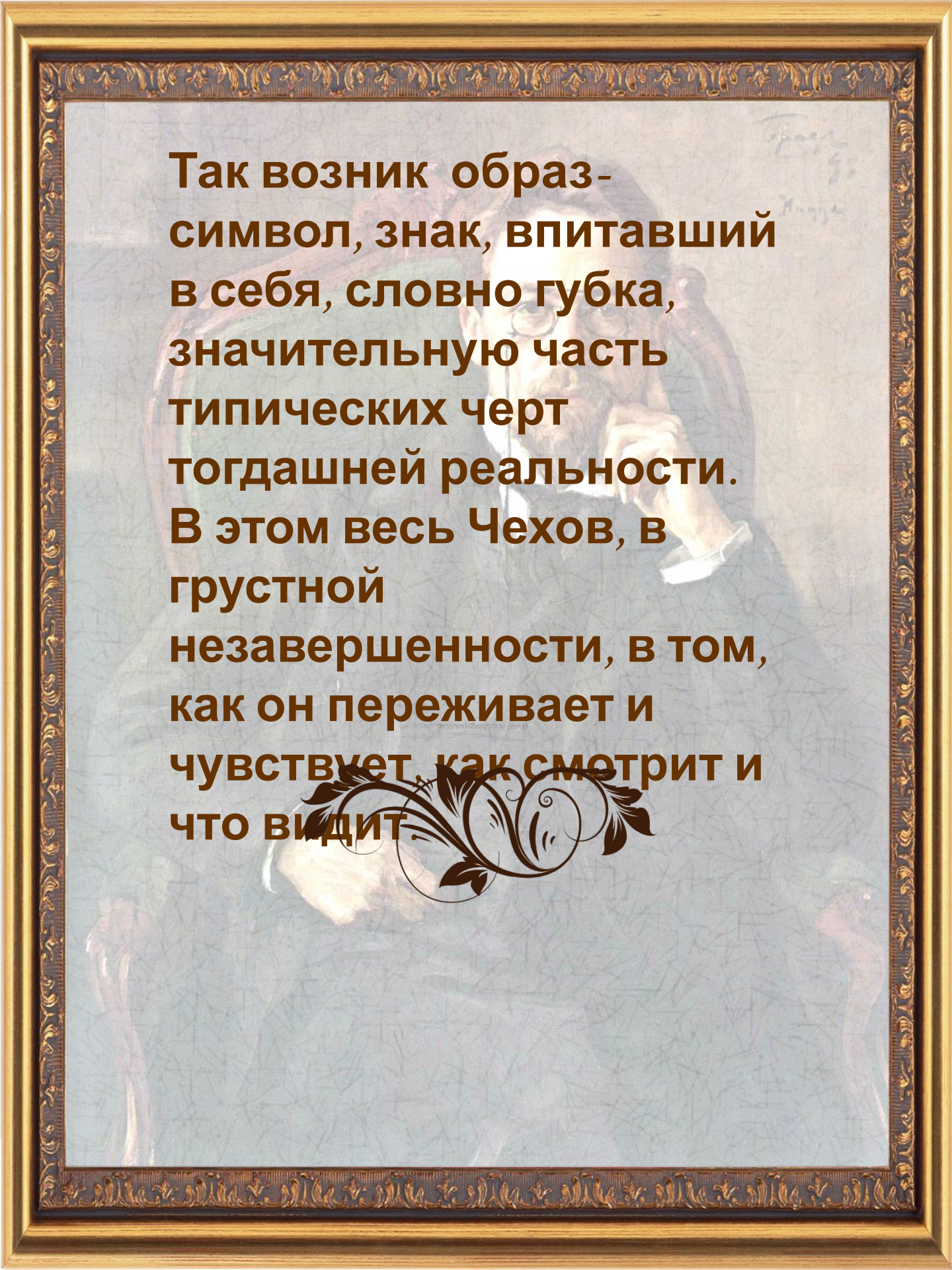
Вот припев и "Дяди Вани",
и "Сестер", и старожилы
"Вишневого сада": "Что же
тут уважать? Конечно,
все плохо... И всем
ужасно скучно".
Пушкин, Толстой,
Достоевский, ленивый
Гончаров, даже
Салтыков-Щедрин —
вылеплены природой
или Богом крупно и
сильно и в творчестве, и
в лицах. Чехов сотворен
иным способом. Этот
тихий изящный человек
словно вычерчен тонкой
иглой, с чрезвычайным
благородством всех

**Василий Розанов
замечает по поводу
Чехова: 'Все у него
вышло как у всех
русских: учился одному,
а стал делать другое;
конечно, не дожил до
полных лет. Кто у нас
доживает? Гнезда не
имел, был
странствующий. Ни звука
резкого, ни мысли
большой... А вот
слушаешь и слушаешь, и
забываешь, что дождь
идет, что так глупо все, и
не то что миришься с
глупым, — этого нет, —
но в безмерно глупую и**

В этом, видимо, состоит истинная мудрость Чехова: в героическую эпоху надо жить героически, а в негероическую эпоху все-таки не разбивать о стену голову. Эту мысль о жизни он внушает нам. Хочется вспомнить эпизод его взаимоотношений с Максимом Горьким. Написав свою знаменитую пьесу, Горький со свойственным ему пролетарским простодушием назвал ее «Два имени».

**Так возник образ-
символ, знак, впитавший
в себя, словно губка,
значительную часть
типических черт
тогдашней реальности.
В этом весь Чехов, в
грустной
незавершенности, в том,
как он переживает и
чувствует, как смотрит и
что видит.**